

УДК 821.161.1

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СПЕКТР ЛИТЕРАТУРНОГО ТИПА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОЙ ПРОЗЕ РУБЕЖА XX–XXI вв.

Е.В. Алексеевич (Витебск, Беларусь)

Аннотация

Постановка проблемы. Образ «маленького человека» в русской прозе рубежа XX–XXI вв. представляет собой сложный и многоаспектный литературный тип, который продолжает эволюционировать параллельно с историческими процессами, социокультурными переменами и литературными тенденциями. Вопрос о том, как изменяется семантика и функциональный спектр данного образа в произведениях современных авторов, требует детального анализа.

Целью данной статьи является анализ семантики и функционального спектра образа «маленького человека» в русской прозе конца XX – начала XXI в. Статья посвящена исследованию эволюции данного типа в различных литературных парадигмах, а также анализу социокультурной ситуации, повлиявшей на его формирование.

Обзор научной литературы по проблеме. В рамках исследования мы ссылаемся на научные работы О.Р. Хомяковой, Е.В. Крикливец, J. Radosz.

Методологическая основа исследования включает использование сравнительно-типологического и культурно-исторического методов для сопоставительного анализа типа «маленького человека» и его функционального диапазона в разных художественных парадигмах.

Результаты исследования. Исследование показывает, что в *реалистической парадигме* «маленький человек» предстает как жертва социальной несправедливости, демонстрирует трудности адаптации к меняющейся реальности, отражает внутренние психологические травмы и переживания. В *модернистском дискурсе* персонажи становятся антигероями или приспособленцами «системы». Они часто являются карикатурными и символическими образами, которые служат инструментом критики социальных и политических реалий. В *постмодернистской эстетике* образ «маленького человека» приобретает абсурдные черты и маргинализируется, отражая утрату традиционных ценностей и моральное разложение общества.

Выводы. Литературный тип «маленького человека» в русской прозе рубежа XX–XXI вв. демонстрирует значительное расширение семантики и функционального спектра, подробно отражая как внутренние кризисы представителей эпохи, так и внешние социокультурные и политические изменения. «Маленький человек» продолжает быть важным литературным типом, который позволяет исследовать и интерпретировать сложные аспекты человеческого существования и общественного устройства сквозь призму авторского сознания.

Ключевые слова: *маленький человек, русская проза, реализм, модернизм, постмодернизм, семантика, функциональный спектр, литературные направления, социокультурные изменения, деконструкция.*

Постановка проблемы. «Маленький человек» в русской прозе рубежа XX–XXI вв. представляет собой сложный и многоаспектный литературный тип, который продолжает эволюционировать в контексте социокуль-

турной и эстетической динамики. Классическая концепция «маленького человека», представленная Н. Гоголем и Ф. Достоевским, изображает его как жертву социальных условий, трагически столкнувшуюся с бесчеловечностью окружающего мира, однако с течением времени этот образ значительно изменился. В конце XX – начале XXI в. тип «маленького человека» в русской литературе стал более многогранным и вариативным. Современные авторы, такие как Л. Улицкая, Д. Рубина, В. Маканин, М. Веллер и др., продолжили развивать и модифицировать этот образ, адаптируя его к новым культурным условиям и социальным интересам. Следовательно, проблема заключается в необходимости глубокого анализа изменений в семантике и функциональном спектре образа «маленького человека» в контексте современной литературной ситуации.

Целью данной статьи является анализ семантики и функционального спектра образа «маленького человека» в русской прозе конца XX – начала XXI в. Статья посвящена исследованию эволюции данного типа в различных литературных парадигмах.

Методологическая основа исследования включает использование сравнительно-типологического и культурно-исторического методов для сопоставительного анализа типа «маленького человека» и его функционального диапазона в разных художественных парадигмах.

Результаты исследования. Первая четверть XX в. в России стала эпохой «бури и натиска». В Постановлении Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 г. было заявлено, что отныне может существовать только литература «...борющегося великого класса, ведущего за собой миллионы крестьян, – таковы должны быть рамки содержания пролетарской литературы»¹. Некоторые попытки вернуть тему «маленького человека» в литературу, а если быть точнее, реализовать идею перековки «маленького человека» в «героя современности» были осуществлены такими известными писателями, как Н.А. Островский («Как закалялась сталь», 1935), М.М. Зощенко («История одной жизни», 1934). Однако, даже руководствуясь таким подходом, писатели все равно часто становились «мишенью» для гонений. Так, в постановлении Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа 1946 г. было заявлено следующее: «В журнале “Звезда” за последнее время, наряду со значительными и удачными произведениями советских писателей, появилось много безыдейных, идеологически вредных произведений. Грубой ошибкой “Звезды” является предоставление литературной трибуны писателю Зощенко, произведения которого чужды советской литературе» [Исторические...]. Некоторые осторожные попытки уйти от идеологически ангажированной тематики были предприняты только в послевоенные годы, к примеру В. Шукшиным («Характеры» (1973), «Сельские жители» (1962)). В своих рассказах Шукшин порой уходил от канонических образов «героев труда» и создавал галерею ярких и необычных образов, которых сам называл «чудиками». Однако «чудики» Шукшина не вполне соответствуют литературному типу «маленького человека», поскольку они активны в своем микромире,

странными они являются не из-за давления со стороны системы, страданий или несправедливости, а по велению своей души. Их отличают внутренняя сила и способность сохранять свою индивидуальность. Таким образом, тип «маленького человека» в русской классической литературе XIX в. не соответствовал концепции личности, сформировавшейся в советской литературе.

Ключевыми событиями, повлиявшими на развитие литературного процесса 1990-х гг., стали отмена цензуры и освобождение литературы от контроля со стороны партийных и государственных структур. После распада СССР в 1991 г. произошли огромные социокультурные перемены. Люди столкнулись с новыми реалиями рыночной экономики, изменениями в политической системе, общественной структуре и зарождением новых ценностей в общественном сознании. Эти события повлияли на повседневную жизнь обычных граждан, создавая новые вызовы, которые нуждались в художественном осмыслении.

Постмодернистские поиски становятся эстетической доминантой, множество ярких литературных явлений создается на стыке художественных систем: реализма и модернизма, реализма и постмодернизма, что породило дебаты о новом реализме, которые достигли пика в середине 1990-х гг.

Авангардистская эстетика оказала существенное влияние на развитие реализма рубежа веков. Писательское внимание сосредоточилось на личности, более или менее изолированной, воспринимающей внешний мир как страшный и непостижимый хаос, от которого необходимо куда-то уйти (в подсознание, революцию, теургию, память культуры) [Ларина, Новикова, 2024, с. 98].

Таким образом, эстетические принципы реализма вновь становятся актуальными. В рамках обсуждений возникли вопросы о характере реализма. Отмечалось, что новый реализм существенно отличается как от постмодернизма, так и от традиционного реализма. Критики, используя форму манифеста, стремились укрепить онтологические основы «нового реализма». «Новый реализм видит в человеке “правду” боли, слабости, греха, но отображает его в масштабах Истины, в рамках которой человек не только тварь, но и творец, не только раб, но и сам себе освободитель» [Пустовая, 2005, с. 155].

В эпоху глобальных перемен и культурных трансформаций люди начали заново искать и познавать свою идентичность. Литературный тип «маленького человека» опять мог послужить точкой опоры для писателей и читателей, которые стремятся понять свое место и место человека в изменяющемся мире. Образ «маленького человека» в эпоху «нового реализма» претерпел значительную трансформацию в сравнении с классической русской реалистической парадигмой XIX в. Возникает новая тенденция в изображении «маленького человека», переживающего кризис самоидентификации и адаптации к новой реальности. Проблематика литературного героя коррелирует с человеком настоящим, реальным.

Современные авторы-реалисты при создании образа «маленького человека» часто прибегают к аналогичным литературным методам, которые использовались авторами-классиками эпохи критического реализма. В психологическом портрете героя часто акцентируются незначительность, невидимость и отсутствие

выдающихся талантов, подчеркивается жалкий внешний облик: «Пребывать в этом обреченно-подвешенном состоянии было неуютно, особенно если ты маленький, черненький, очкастенький и картавишь: и паспорт не нужно показывать, чтоб нарваться по морде» [Веллер, 2003, с. 8]; «К сожалению, в шутке не было большого преувеличения: нос ее был действительно грушевидно-расплывчатым, а сама Сонечка, долговязая, широкоплечая, с сухими ногами и отсиделым тощим задом, имела лишь одну статью – большую бабью грудь, рано отросшую да как-то не к месту приставленную к худому телу» [Улицкая, 2022, с. 9].

Обитель современного «маленького человека» часто характеризуется скромностью и статичностью предметов. Обстановка жизни «маленького человека» олицетворяет духовное бедствие, внутреннюю апатию и нежизнеспособность, отсутствие сопротивления окружающей среде и несправедливости: «Обычно она брезговала этой коммунальной ванной с потрескавшейся, как слоновья кожа, поверхностью, но теперь она думала о том, что это ее ванна, что это ее покойная бабушка жила в этой квартире с самого одиннадцатого года, и дедушка жил здесь, и отец здесь родился, и вся эта квартира принадлежала ей по праву рождения, а все эти теперешние соседи, пришлые захватчики, подселенцы, вчерашняя деревенщина, – никто из них даже не подозревает, что она и есть настоящая хозяйка... И горько-сладкая обида, любимая обида нахлынула на Светлану...» [Улицкая, 2006, с. 279].

«Маленький человек» современной русской прозы, как и в творчестве авторов XIX в., зачастую ощущает непреодолимое одиночество: «С грустью подумала она о развалившейся по всем швам жизни, о напавшем внезапно одиночестве, а потом легла на неразобранный диван в проходной комнате, вынула из перевязанной пачки случайного Шиллера и до утра читала – кто бы мог за этим чтением не уснуть! – читала Валленштейна, добровольно отдавшись литературному наркозу, в котором прошла ее юность» [Улицкая, 2022, с. 76].

Природа «маленького человека» в литературе конца XX – начала XXI в., на наш взгляд, не гомологична. Новый «маленький человек» находится в поисках своего места в социуме. Авторское отношение к современному «маленькому человеку» может быть весьма изменчивым: от сочувствия, сострадания и иронии до выражения презрения: «Постмодернизм, ориентированный не на первичную, а на вторичную реальность, не отменяет классические образы, но вводит их в новую целостность, целостность пустых форм, или симулякров» [Хомякова, 2017, с. 106].

«Маленькие люди» в реалистических произведениях часто являются теми, кто не смог адаптироваться к радикальным изменениям, характерным для завершения XX в., но при этом не утратил чувства собственного достоинства. Они часто становятся жертвами жизненных обстоятельств или социально-политических условий. В своей монографии Е.В. Крикливец отмечает: «Теперь он – “песчинка истории” и его судьба редко зависит от него самого» [Крикливец, 2020, с. 149].

В качестве примера можно привести Петра, главного героя повести Д. Рубиной «На верхней Масловке». Петр является несостоявшимся режиссером,

однако человеком невероятных интеллектуальных способностей. В силу жизненных обстоятельств он живет в подсобке мастерской старой художницы и заботится об Анне Борисовне, которой 95 лет. Проводя параллели между собой и личностью Анны Борисовны, Петя ощущает себя ничтожным, аналогично карлику из сказки «Карлик-Нос». В этой параллели он усматривает отражение своих отношений с Анной Борисовной: подобно тому как старая ведьма заколдовала мальчика и держала его в зависимости, Анна Борисовна демонстрирует свою власть над Петром.

В модернистском дискурсе «маленький человек» – отражение массового сознания, своего рода «человек свиты». В.В. Серов в «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений», ссылаясь на одноименное произведение В. Маканина, дает следующие определение: «Человек свиты – иронически о том, кто служит только интересам руководства, живет его заботами, не имеет собственного мнения» [Серов, 2005, с. 819]. Образ Мити Родионцева из вышеупомянутой повести В. Маканина становится знаковым примером того, как система превращает людей в раболепствующих, трусливых приспособленцев. «Слепое подчинение начальству, в силу умственных способностей исследуемых персонажей, является прежде всего результатом заранее принятой стратегии самых героев (тесно связанной с нежеланием выделяться)» [Radosz, 2020, p. 213].

Л. Петрушевская активно развивала образ «маленького человека» в литературе последней трети XX в. и в начале нынешнего столетия. Эстетика автора апеллирует к традициям «магического реализма». Герои ее произведений – обычные люди, которые ходят в магазины, на работу, обладают своими недостатками и пороками, и она не стесняется разглашать эти аспекты их жизни. Л. Петрушевская обсуждает в своих произведениях феномен молчащего «маленького человека». Имя героя «Шинели» можно встретить в ее одноименном рассказе «Акакий». Персонажи, созданные Л. Петрушевской, представлены в разных социальных средах и возрастных группах. Даже женские образы несут черты сходства с главным героем «Шинели» – Акакием Акакиевичем Башмачкиным. Центральным мотивом, объединяющим этих персонажей и отражающим интерес писателя к герою «Шинели», является молчание.

Молчание Акакия Акакиевича делает его одним из самых загадочных персонажей русской литературы. Интерпретации причины этого молчания различны: для одних оно проявление святости, для других – излишней кротости, для третьих – мизантропии и т.д. В рассказе «Акакий» Л. Петрушевская представляет два источника молчания с противоположными моральными характеристиками: успешный писатель Р., которому свойственна слабость к девушкам-подросткам, и его любовница, студентка Верка. В сцене изнасилования девушки бандитами перед дверью «покровителя» Верка умалчивает о настоящем произошедшем, представляя ситуацию как ограбление с целью украсть мобильный телефон. «Покровитель» знает правду, но предпочитает принять версию девушки, избегая конфронтации с тяжелыми фактами. Это напоминает поступок гоголевского Акакия Акакиевича, который, когда ему становится страшно на безлюдной площади

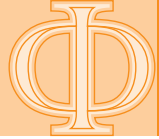
Петербурга, просто закрывает глаза. Современный успешный Акакий в первую очередь избегает чужих проблем.

Можно заключить, что тип «маленького человека» в современной литературе часто подвергается авторской семантической деконструкции. «Деконструкция» – это термин современной философии и искусства, подразумевающий понимание через разрушение стереотипов или перенос их в новый контекст. Понятие основано на предположении, что смысл формируется в процессе восприятия, а привычные представления либо поверхностны, либо навязаны автором [Грицанов, 2001, с. 278].

Одной из ключевых характеристик «нового реализма» и модернистской эстетики является пристальное внимание писателей к достоверности психологического содержания произведений. Отчетливо выделяется стремление к концептуализации травматического опыта (Л. Улицкая, Л. Петрушевская, Д. Рубина). В изображении нового «маленького человека» прослеживаются стремление обнаружить художественные аспекты в повседневности, попытка объединить художественность и документальность. Так, например, проживание пережитых измен, которые привели к психологическим проблемам у жертв подобных отношений, выступает частой темой в творчестве и реалистов, и модернистов: «Она кричала, захлебываясь слезами и соплями, чуть ли не душила себя сама. Она зачем-то обращалась за утешением к своему любимому мужу, который ей только что изменил с другой!» [Петрушевская, 2008, с. 18].

Авторское переосмысление канонов классической литературы – распространенный прием постмодернистского дискурса. В качестве примера стоит привести рассказы из цикла «Легенды Невского проспекта» М. Веллера, в которых отчетливо прослеживается аллюзия на гоголевскую «Шинель» и «Преступление и наказание» Ф. Достоевского соответственно. Однако если для Башмачкина шинель во многом является жизненной необходимостью и результатом большого количества лишений и страданий, а потеря шинели становится невозможной утратой, то для Фимы Бляйшица шляпа – всего лишь трофей, символ собственной значимости, но никак не жизненная необходимость. В рассказе «Легенда о теплоходе “Вера Артюхова”» после совершенного убийства из-за давления жены и угрызений совести герой приходит с повинной, а система и ее представители спасают себя от нежелательных последствий этого шага и международного скандала, объявив вахтенного душевно больным. В отличие от духовного пути Раскольникова, попытка покаяния в рассказе М. Веллера не связана с духовным развитием или экзистенциальным скачком в развитии персонажа, а банально – со слабой волей и страхом.

В творчестве писателей-постмодернистов «маленький человек» нередко приобретает абсурдистские черты. Так, герой рассказа «Эдипов комплекс» Дмитрия Липскерова представляет собой невротика, который собирает своеобразную «коллекцию» историй о самоубийствах, осуществляемых с особым изобретательством. В этом «ассортименте» первым эпизодом значится гибель его матери, которая записалась на курсы прыжков с парашютом, а затем

выпрыгнула без него. «Юбилейным, пятидесятым» – собственный акт самоуничтожения героя, который он совершает, засыпав спичечную серу в отверстие в своей голове. В фантазмагорическом романе «Осени не будет никогда» люди превращаются в крыс, а крысы в людей; главный герой – художник-неудачник, пьяница, одержимый осенней опавшей листвой, которая не только служит источником его искренней радости и вдохновения, но и буквально способна залечить у него ножевые ранения.

Приемы абсурдизации повествования, которыми пользуется Д. Липскеров, основаны на антиномии нормы и абсурда, эти приемы становятся инструментом для постижения сознания героя-маргинала. Метафорический характер этих приемов раскрывает алогичность современного мира в культурном и социальном аспектах, демонстрируя склонность героев к утрате себя в конкретной реальности, которая порой неотличима от безумного сна. Все герои Д. Липскерова в итоге несчастливы, и мир, в котором они живут и умирают, нисколько не становится лучше. Так писатель раскрывает тему потенциально бесконечной трагедии «маленьких людей».

Функциональный спектр образа «маленького человека» в актуальной литературе весьма широк и может включать в себя критику политической обстановки, анализ социокультурных тенденций и попытку рефлексии над собой и обществом. Современная литература часто использует образ «маленького человека» для выражения авторской философии и мировоззрения. Функциональный спектр «маленького человека» в русской прозе разнообразен, поскольку отражает сложность меняющегося общества и многообразие жизненных ситуаций, с которыми сталкиваются его герои. Герои реалистических произведений зачастую трагичны. Так, Сонечка, главная героиня одноименной повести Л. Улицкой, является ярким образом жертвенности. Она беспрекословно исполняет все традиционные женские обязанности: бесконечно предана мужу, идеально ведет хозяйство. Вместе с мужем она стойко и героически переживает военное время, воспитывает ребенка в тяжелых условиях, делая все возможное и невозможное для благополучия дочери и супруга. Всю свою жизнь она самозабвенно отдавала себя семье и сохранению очага.

Казалось бы, героиня достойна того, чтобы ее жертвенность была вознаграждена в полной мере, однако судьба сначала отнимает у нее замечательный дом, нажитый невероятными усилиями, дочь уезжает в другой город к своему парню, муж увлекается молодой девушкой, которую Сонечка фактически удочерила ранее (и даже это она самоотверженно терпит, принимает и оказывает поддержку их отношениям), а затем ее муж вовсе умирает. Самоотверженность Сонечки достигает абсурда, поскольку даже после смерти мужа она опекает его удочеренную любовницу, сближается с ней еще сильнее, помогает наладить жизнь, уехать в Польшу и удачно выйти замуж, а сама остается доживать остаток дней в полнейшем одиночестве.

На наш взгляд, Л. Улицкая поднимает в «Сонечке» философский вопрос о гендерных стереотипах в отношении женщин, осуждая традиционное навязывание

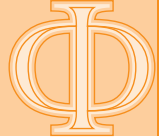
таких качеств, как покорность и терпеливость, а также пытается осмыслить проблему болезненных взаимоотношений индивидов. Эту же проблему в своей повести «На Верхней Масловке» затрагивает и Д. Рубина, рассказывая читателю о сложных отношениях Петра и Анны Борисовны, которые проживают под одной крышей. Они постоянно конфликтуют, обвиняют друг друга в «отравлении жизни», однако жить друг без друга тоже не в состоянии.

«Маленький человек» часто выступает символом утраты ценностных ориентиров. «Маленькие люди» современной прозы вполне себе способны на нарушение общепринятых норм морали и добродетели (готовы торговать своим телом, пойти на убийство, воровство, коррупцию). Отражение и осмысление общественных пороков может реализовываться через абсолютно разные авторские подходы: как острую сатиру и сарказм М. Веллера, так и порой пугающе правдоподобный бытовой реализм Л. Улицкой.

«Маленький человек» является отражением социокультурных явлений и перемен. Герой такого типа может пытаться адаптироваться к новым условиям или остается верен старым ценностям и традициям. Примерами героев-приспособленцев могут послужить Фима Бляйшиц, Марина из цикла рассказов М. Веллера. Так, Фима Бляйшиц – типичный «изгой» системы, значительную часть своей жизни подвергавшийся дискриминации по национальному признаку, находит пути приспособления в обществе потребителей и выстраивает свою криминальную империю. Марина из одноименного рассказа, родившаяся в маргинальной семье, в поисках лучшей жизни и нового статуса становится частью триады «товар–деньги–товар», сперва она начинает заниматься проституцией, а затем идет на сотрудничество с КГБ, выжывая информацию из иностранцев. Ее окружение значительно меняется, она заводит новых влиятельных знакомых, получает дорогие подарки. Аля Тогусова в романе Л. Улицкой «Искренне ваш Шурик» жила в нищете, неоднократно подвергалась изнасилованиям, однако, упорно трудясь и иногда поступаясь моральными принципами, она успешно оканчивает университет, а затем удачно выходит замуж. Отметим, что в реалистической «женской прозе» часто поднимаются проблемы сексуального насилия и последовавшей за ним деформации личности либо психических расстройств: Светлана из романа «Искренне ваш Шурик», Яся из повести «Сонечка» Л. Улицкой.

Отражая социальные трансформации, «маленький человек» может выступать и символом сопротивления, о чем свидетельствует образ Толика Куренкова, героя повести В. Маканина «Антилидер». Толик – «человек смирный, спокойный, но иногда (раз в год, раз в два года) он как бы ревнует и вдруг начинает копить зло на человека, который излишне выделяется» [Маканин, 1988, с. 399].

Карикатурное изображение центрального персонажа, комичность происходящих ситуаций, обилие юмора создают обманчивое впечатление несерьезности конфликтов, однако за этой ширмой скрывается полноценный социальный протест и конфликт между «значимым лицом» и «маленьким человеком». В. Маканин деконструирует само понятие «значимый человек». Здесь «значимыми лицами» выступают карикатурные персонажи (Большаков, Тюрин, Сыропцевцев),

являющиеся в том или ином смысле антиподами главного героя, вызывающие у него глубокое чувство неприязни и невозможности мирного разрешения ситуации. Сперва может показаться, что Куренков просто завистливый или ревнивый, о чем высказывают предположение некоторые второстепенные персонажи, однако в дальнейшем становится понятно, что действия главного героя иррациональны. Драки, вербальные оскорбления со стороны Куренкова в сторону неприятных ему людей представляют собой вызов героя реальности и социальному неравенству.

Сопrotивление «маленького человека» наблюдается и в произведениях, написанных в собственно реалистическом ключе. Например, Лена Стомба из романа Л. Улицкой «Искренне ваш Шурик» попала в кажущуюся неразрешимой ситуацию. Дочь высокопоставленного офицера строгих нравов, она оказывается фактически матерью-одиночкой ребенка от темнокожего любовника. Ее возлюбленный кубинец становится жертвой политических репрессий правительства Фиделя Кастро и попадает в тюрьму. Предпринимая множество попыток, зачастую жертвуя собственной честью и достоинством, героиня умудряется воссоединиться с отцом ребенка и покинуть СССР в поисках лучшей судьбы для своей семьи в США.

Выводы. Русская проза конца XX – начала XXI в. продолжает развивать образ «маленького человека», актуализируя его для аудитории конкретной эпохи и отвечая вызовам данной эпохи. Образ «маленького человека» остается важным элементом литературной традиции и способен отражать сложные и многогранные аспекты человеческой жизни и общества, расширяя свою семантику и функциональный спектр и реализуясь в реалистическом, модернистском и постмодернистском дискурсах (табл.).

**«Маленький человек»
“The small person”**

	Реализм	Модернизм	Постмодернизм
Семантика	Трудности с адаптацией к реальности, трагизм бытия, подверженность дискриминации и социальной несправедливости. Авторы делают акцент на психологизме персонажей	«Маленький человек» воплощает в себе черты антигероя или приспособленца. Использование сатирической условности в изображении героя	«Маленький человек» – представитель маргинальной среды. Авторы концентрируются на «эстетике низов», «маленький человек» приобретает абсурдные черты
Функциональный спектр	Основной функцией «маленького человека» в реалистическом дискурсе является изображение трудности адаптации к меняющейся социальной действительности. Авторы фокусируются на теме страдания, одиночества, бытовых проблем и психологических травм	Тип «маленького человека» выступает инструментом изобличения социальных проблем, способом выражения авторского отношения к современным реалиям	«Маленький человек» отражает смену ценностной парадигмы, утрату нравственной составляющей, моральное разложение общества

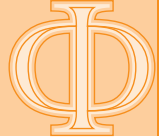
Таким образом, литературный тип «маленького человека» в русской прозе рубежа XX–XXI вв. представляет собой динамичную и многослойную концепцию, отражающую рецепцию литературной традиции и трансформацию социокультурной реальности.

Библиографический список

1. Васильева О.Н. Роман В.С. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» в диалоге с творчеством Ф.М. Достоевского (к проблеме интертекстуальности) // Вестник Башкирского университета. 2012. № 4. С. 1826–1834.
2. Веллер М.Ю. Легенды Невского проспекта. СПб.: Пароль, 2003. 416 с.
3. Грицанов А.А. Всемирная энциклопедия: Философия. М.: Аст, 2001. 1312 с.
4. Исторические источники по истории России XX в. на русском языке в Интернете (Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова). URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/PICT/ussr.htm> (дата обращения: 20.09.2024).
5. Крикливец Е.В. Жанрово-стилевая модификация повести в русской и белорусской реалистической и модернистской прозе второй половины XX века: сравнительно-типологический аспект: монография. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2020. 216 с.
6. Ларина М.В., Новикова Е.О. Герой рассказа Р. Сенчина «Конец сезона» в парадигме «лишних людей»: схождения и отталкивания // Сибирский филологический форум. 2024. № 2 (27). С. 92–105.
7. Липскеров Д.М. Осени не будет никогда. М.: Аст, 2011. 320 с.
8. Липскеров Д.М. Эдипов комплекс. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 496 с.
9. Маканин В.С. Отставший: повести и рассказы. М.: Худож. лит., 1988. 431 с.
10. Петрушевская Л.С. Черная бабочка. СПб.: Амфора, 2008. 299 с.
11. Пустовая В.Е. Пораженцы и преображенцы. О двух актуальных взглядах на реализм // Октябрь. 2005. № 5. С. 153–164.
12. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: Более 4000 статей. 2-е изд. М.: Локид-Пресс, 2005. 880 с.
13. Улицкая Л.Е. Искренне ваш Шурик. М.: Эксмо, 2006. 448 с.
14. Улицкая Л.Е. Сонечка: повесть, рассказы, пьесы. М.: АСТ, 2022. 475 с.
15. Хомякова О.Р. Возвращение маленького человека в литературе постмодернизма (от Александра Пушкина к Виктору Пелевину // Белая вежа. 2017. № 5. С. 105–111.
16. Radosz J. Лишний человек и маленький человек в русской литературе XXI века // Przegląd Rusycystyczny [Русское обозрение]. 2020. No. 172 (4). P. 207–217. DOI: 10.31261/pr.9101

Сведения об авторе

Алексеевич Евгений Викторович – аспирант кафедры белорусской и русской филологии, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова (Республика Беларусь); e-mail: yevgeniyalex@rambler.ru

SEMANTICS AND FUNCTIONAL SPECTRUM OF 'A MAN OF NO IMPORTANCE' AS A LITERARY TYPE IN RUSSIAN PROSE AT THE TURN OF 20TH – 21ST CENTURIES

Y.V. Alekseyevich (Vitebsk, Belarus)

Abstract

Statement of the problem. The image of 'a man of no importance' in Russian prose at the turn of the 20th and 21st centuries represents a complex and multifaceted literary type that continues to evolve in parallel with historical processes, sociocultural changes, and literary trends. The question of how the semantics and functional range of this image change in the works of contemporary authors remains underexplored and requires detailed analysis.

The purpose of this article is to analyze the semantics and functional spectrum of the image of 'a man of no importance' in Russian prose of the late 20th and early 21st centuries. The article is focused on studying the evolution of this type within various literary paradigms and analyzing the sociocultural context that influenced its formation.

Literature review. In the course of the research, we refer to scholarly works by Khomyakova O.R., Kriklivets E.V., Radosz J.

Methodology. The research methodology includes the use of comparative-typological and cultural-historical methods for a comparative analysis of the 'man-of-no-importance' type and its functional range across different artistic paradigms.

Research results. The research shows that in the realistic paradigm, 'a man of no importance' appears as a victim of social injustice and struggles to adapt to the changing reality, reflecting internal psychological traumas and experiences. In modernist discourse, characters become antiheroes or conformists within the 'system', often serving as caricatured and symbolic figures used to criticize social and political realities. In postmodernist aesthetics, the image of 'a man of no importance' acquires absurd traits and is marginalized, reflecting the loss of traditional values and satirical ridicule of the moral decay of the society.

Conclusions. The literary type of 'a man of no importance' in Russian prose at the turn of the 20th and 21st centuries demonstrates a significant expansion in semantics and functional scope, thoroughly reflecting both the internal crises of the era's representatives and the external sociocultural and political changes. The 'man of no importance' remains an important literary type that allows for the exploration and interpretation of the complex aspects of human existence and societal structure through the prism of the author's consciousness.

Keywords: *a man of no importance, Russian prose, realism, modernism, postmodernism, semantics, functional spectrum, literary trends, sociocultural changes, deconstruction.*

References

1. Vasilieva O.N. The Novel "Underground, or a Hero of Our Time" by V.S. Makanin in Dialogue with the Works of F.M. Dostoevsky (On the Problem of Intertextuality) // Bulletin of Bashkir University. 2012. No. 4. P. 1826–1834.
2. Veller M. Legends of Nevsky Prospekt. St. Petersburg: Parol, 2003. 416 p.

3. Gritsanov A.A. World Encyclopedia: Philosophy. Moscow: AST, 2001. 1312 p.
4. Historical sources on the history of Russia in the 20th century in Russian on the Internet (Electronic library of the Faculty of History of Moscow State University named after M.V. Lomonosov). URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/PICT/ussr.htm> (access date: 09.20.2024).
5. Kriklivets E. Genre-style modification of the story in Russian and Belarusian realistic and modernist prose of the second half of the twentieth century: a comparative-typological aspect: monograph. Vitebsk: VSU named after P.M. Masherov, 2020. 216 p.
6. Larina M., Novikova, E. The Hero of R. Senchin's Story "The End of the Season" in the Paradigm of "Superfluous People": Convergences and Divergences // Siberian Philological Forum. 2024. No. 2 (27). P. 92–105.
7. Lipskerov D.M. Autumn Never Comes. Moscow: Ast, 2011. 320 p.
8. Lipskerov D.M. Oedipus Complex. Moscow: Eksmo-Press, 2002. 496 p.
9. Makanin V. The Fallen Behind. Novellas and Stories. Moscow: Fiction Literature, 1988. 431 p.
10. Petrushevskaya L. The Black Butterfly. St. Petersburg: Amphora, 2008. 299 p.
11. Pustovaya V. Defeatists and Transformers. On Two Relevant Views on Realism // October. 2005. No. 5. P. 153–164.
12. Serov V. Encyclopedic Dictionary of Winged Words and Expressions: Over 4000 Articles. 2nd ed. Moscow: Lokid-Press, 2005. 880 p.
13. Ulitskaya L. Sincerely Yours, Shurik. Moscow: Eksmo, 2006. 448 p.
14. Ulitskaya L. Sonechka: Novella, Stories, Plays. Moscow: AST, 2022. 475 p.
15. Khomyakova O. The Return of the Little Man in Postmodernist Literature (from Alexander Pushkin to Viktor Pelevin) // White Tower. 2017. No. 5. P. 105–111.
16. Radosz J. The Superfluous Man and the Small Person in Russian Literature of the 21st Century // Przegląd Rusycystyczny [Russian Review]. 2020. No. 172 (4). P. 207–217. DOI: 10.31261/pr.9101

About the author

Alekseyevich, Yauheny V. – PhD Candidate, Department of Belarusian and Russian Philology, Vitebsk State University named after P.M. Masherov (Republic of Belarus); e-mail: yevgeniyalex@rambler.ru